…Тоонто не только там, где ты родился. Тоонто ещё и в самом человеке. И неважно, какое солнце светит ему: бледное ли солнце орусов или смуглое — харанутов. Твое Тоонто там, где тебя любят!..

Боорчи закончил рассказывать и, достав из кармана кисет, стал набивать табаком трубку. Делал это неспешно, основательно, не обращая внимания на Изота, который, ожидая продолжения, едва ли не с досадою смотрел на него.

Изот был ещё в прошлом, и вместе с Ерофеем то уходил от погони, то хоронил погибшего товарища, то по узкой, вьющейся меж камней тропе спускался с вершины Улзыты-Хана. Он настолько свыкся с героями легенды, что поверил, будто знал их раньше. С ним уже не раз случалось такое. Вроде бы находился в реальной жизни, но в то же время был далеко от неё, и то, что происходило в прошлом, становилось близким и понятным.

Виделись обрызганные солнечным светом курганы, войлочные, расшитые тесьмой юрты и косяки длинногривых лошадей. Слышал серебряную трель морин-хура.

Он как бы слился с героями легенды, проникся их мыслями. Всё же скоро они стали отдаляться от него, а потом и вовсе исчезли. Но ещё долго ему не хотелось выходить из того душевного состояния, когда даже молчание не в тягость, и единственное, чего не хватает, так это песни. Раньше давал волю чувствам. Петь, правда, не умел, зато кричал до хрипоты про бродягу, который бежал из Акатуйской тюрьмы, или про славное море и омулёвую бочку. Случалось, подолгу пребывал в каком-то диковинном мире.

— Устал? — спросил дархан.

— А-а?..

— Устал, говорю?..

— Да нет, — ответил смущённо.

Прошла минута-другая. Слышно было, как за окном завывает ветер, скрипят ставни и прогибается, шевеля тонкими ветвями, сирень в палисаднике.

Изот поднялся и подошёл к окну. Его не устраивало то, что знал о себе. Не раз задавался вопросом, кто дал начало всему Найдёновскому корню? Столько в нём кровей перемешалось: русских, бурятских, татарских, если начнёшь разбираться, голову сломаешь, а едва ли придёшь к чему. Отец тоже мучался этим вопросом, а он, помнится, досадовал и не понимал его. То и грустно, что не понимал…

Боорчи пошёл в сени, вернулся с раскладушкой и матрасом. Стали укладываться спать. Изот был благодарен дархану за гостеприимство, но ему не хотелось, чтобы теперь он ушёл и оставил его наедине со своими мыслями.

Странно, не прошло и дня, как приехал в Утатуй, а у него такое ощущение, будто уже давно живёт здесь. Успел привыкнуть к Боорчи, к его дому, даже к тишине за окном.

Изот удивлялся себе. За несколько часов, казалось бы, накрепко сросшийся с ним город стал далёким воспоминанием. Не знал, отчего это, да и вообще, что с ним происходит. Посмотрел на дархана, разглядывающего одну из скульптур, сказал, что тоже занимается резьбой по дереву. Боорчи снисходительно улыбнулся. Стало обидно. Сказал, что слышал от отца о миниатюрной пагоде, рядом с которой всё тускнеет, и тотчас пожалел об этом. С лицом Боорчи произошли неожиданные перемены: правая бровь вытянулась и теперь напоминала изогнутую половинку лука, а подбородок отвис и слился с короткой шеей, на лбу выступили глубокие морщины.

Изоту сделалось неловко. Чёрт меня дернул за язык!..

Боорчи было неспокойно. Парень нечаянно разбередил душу. Не смог сдержать охватившие его чувства и заговорил о своём стремлении сделать работу, ко-

торая была бы не хуже миниатюрной пагоды, что хранится у улигершина — духа Тамчинской степи. Изредка останавливал себя, удивляясь своей чрезмерной словоохотливости.

Изот плохо понимал дархана, но слушал внимательно, удивляясь тому, что сейчас Боорчи сильно напоминал отца. А ведь мог бы и не встретиться с мастером. И тогда многое из того, что узнал, так и осталось бы для него загадкой. Он благодарил судьбу за эту встречу, но в то же время с грустью думал, что пройдёт ночь и он уедет отсюда. И неизвестно, увидятся ли они ещё...

Часы пробили полночь. Ветер за окошком стих. Боорчи ушёл в свою комнату. Изот лёг в постель, с головой забрался под одеяло, но ещё долго слышал за окном какие-то неясные звуки и шорохи. Казалось, там кто-то прячется. Не выдержал, поднялся с постели и подошёл к окну, но увидел лишь бледную половинку месяца на чёрном небе. Лёг на кровать. Долго ещё не мог заснуть. А потом услышал за спиною чьи-то шаги, обернулся, встретился взглядом с ожившей скульптурой.

Изот был не робкого десятка, но, признаться, ему стало не по себе. И всё-таки он сумел переселить страх и улыбнулся. Одиннадцать голов склонились в низком поклоне, как бы приветствуя в его лице мастера, вырезавшего их из дерева, а потом повернулись в сторону масок хохимой, которые тоже пришли в движение и стали двигаться вокруг него, норовя увлечь в бешеную круговерть своего танца. Но вот появилась Зелёная Тара — женщина с шестью руками, призванная охранять и исполнять все желания человека, и маски хохимой отступили. Изот молча поблагодарил Зелёную Тару, она улыбнулась, ушла в левый угол комнаты и села, подогнув под себя ноги, на пол. Изредка она оборачивалась к Изоту и смотрела ему в глаза. Становилось не по себе. Казалось, она зовёт его в далёкую заоблачную страну.

Вдруг раздалось что-то, отдалённо напоминающее раскаты грома, Зелёная Тара исчезла.

Изота до утра преследовали видения. Проснувшись, он долго не мог понять, чем они были вызваны: то ли слишком много узнал вчера, то ли мозг устал от постоянной работы. Голова раскалывалась, виски сдавливало, а в затылок словно бы воткнули швейные иголки.

— Как спалось? — зайдя в комнату, спросил Боорчи.

— Неважно, — признался Изот.

— Я тоже, когда впервые остался ночевать в этой комнате, плохо спал. Казалось, рядом стоит Зелёная Тара и смотрит в глаза.

— И у меня было такое же чувство.

— Я стремился приблизиться к работам старых мастеров, чтобы вернуть людям утерянное, — вздохнув, сказал Боорчи. — Удалось ли мне это? Скорее, нет. Но я никогда не изменял себе…

Вспомнился первый послевоенный год, и, как наяву, Боорчи увидел степь, запахнутую в жёлтые шелка, горы, слегка подёрнутые розоватой дымкой, людей у шаткого крыльца, а на нём — высокое начальство, одетое в скрипучую кожу и хромовые сапоги. Из города прибыло начальство-то. Трактора пригнали. Сказано было: завтра выезжать на них в степь… Ночью, благополучно миновав заснувшего сторожа, Боорчи пробрался во двор, где стояли трактора, с неприязнью ощупывал детали и механизмы. Тогда ещё невдомёк было, что скоро дети скотоводов поведут трактора на свои, дедами и прадедами завещанные земли. Узнал об этом позже, когда увидел перепаханную степь. Помнится, долго смотрел на обнажён-

ные пласты земли. А потом обхватил голову руками и пошёл… Упал на камни возле крутого мыса и долго лежал так. Слушал грустную, откуда-то издалека, песню улигершина о гибели степи. Многое она видела на своём веку: лютые пожары, страшные наводнения, орды завоевателей, которые подобно саранче расползлись от края до края, сея смерть и разрушение. И вот теперь не стало её.

Боорчи помедлил и неожиданно для себя заговорил об этом. От его трубки шёл дым, ел глаза, но Изот словно бы не замечал этого, другое было в голове, тревожное. Иногда отвлекался и видел город, вернее, Зареченскую слободу, а вместе с нею тихое, расположенное в глубоком распадке за околицею кладбище, где под сенью плакучей ивы отец нашёл своё последнее пристанище.

— Сходим к улигершину, — предложил Боорчи. — Я покажу тебе пагоду.

— В другой раз, — вздохнул Изот. — Мне нужно уезжать. Завтра — на работу.

Изот попрощался с дарханом и вышел на улицу. В окнах домов зажигался свет, но самих домов ещё не было видно. Казалось, белые квадраты висят в воздухе. Изредка на дороге вспыхивал яркий огонёк встречной машины и долго горел в сумерках.

Изот любил это время суток. В вечернюю пору он нередко ходил на вершину Удинского утёса и долго стоял так, наблюдая за игрой багровых сполохов на речной глади, находя согласие между собой и окружающей природой. Но нынче такого согласия не было. Стало жаль себя, словно бы он один во всём мире и никому не нужен. Прислонился к палисаднику и, стараясь избавиться от невесёлых мыслей, закрыл глаза, но вместо желанного успокоения на него обрушилась усталость.

С минуту постоял и нехотя побрёл на автобусную остановку. Увидел дом отца с чёрными провалами вместо окон. Он чём-то напоминал давно умершего человека.

Как человек не может жить без дома, так и дом — без хозяина. Они умирают вместе. Правда, человек оставляет по себе память, а дом лишён этого и живёт столько, сколько ему отпущено судьбой.

Народу на остановке было немного. Небо синело, а вместе с ним синело шоссе, и уже различались на асфальте выбоины и щербины.

Раздались крики, топот и приглушённый гул автомобильного мотора.

— Автобус!.. Автобус!..

* * *

Уже рассвело, а Боорчи по-прежнему, положив на стол крупные, в узловатых морщинах руки, сидел у окна и смотрел в улицу.

Солнце растопило туман и прогрело землю. Осень в этом году была капризна, у неё сегодня на уме одно, завтра — другое. Утром выкатывалось рыжее солнце, яркое и тёплое, и в степи дымилась земля, а в полдень, набухнув, небо делалось мглисто-серым, солнце исчезало, с севера налетал хлёсткий ветер и поднимал столбы пыли. К вечеру становилось тихо, снова из-за облаков выкатывалось солнце, но уже не огненно-рыжее, — тусклое, негреющее.

Боорчи не мог приноровиться к погоде и одевался всегда не так, как следовало.

Часто вспоминал Изота. Наверное, мог бы уговорить его побыть в улусе ещё немного, но отчего-то не стал этого делать. Скорее, потому и не стал, что чувствовал непонятную робость перед Изотом. К тому же понимал, парень должен сам сделать свой выбор. Расклад верный. Но тогда отчего так маетно на сердце?..

Мысль всесильна и бесконечна. У неё нет истока и устья. Начнёшь думать об одном, а перед глазами тотчас встает другое, душа наполняется тревогою, смутною и неугадливою, так что скоро не знаешь, как от неё избавиться... Быть может, тревога и составляет человеческое естество.

В жизни Боорчи появился Изот — сын друга, и он обязан помочь ему найти себя. Другой человек — другой мир. Начнёшь навязывать ему свою волю, а тот возьмёт и обидится, но и пребывать в бездействии тоже нельзя. Что делать? Как быть? Два извечных вопроса, на которые способна ответить лишь сама жизнь.

Боорчи мучился ещё и потому, что у него не было наследника. Из поколения в поколение: от отца к сыну, от сына к внуку — передавали дарханы своё искусство. У каждого мастера была тайна, и никто, кроме родных, не знал про неё. Кому он передаст то, что перенял от деда, что умеет сам? Неужели ремесло угаснет, как огонь в светильнике, когда кончается масло?.. Жизнь без детей не стоит и ломаного гроша.

Боорчи было тринадцать, когда отец уходил на фронт. Многое стёрлось в памяти, а вот случившийся тогда в полутёмной горнице разговор с ним и по сей день вспоминается. Как наяву слышится его покашливание, ощущается терпкий запах махорки и кислый — овчины. Отец велел продолжать его дело и беречь мать, хранить тайну ремесла и не допускать к нему чужих...

Как чёрные вороны, летели с фронтов похоронки и опускались в почтовые ящики. Сначала пришло известие о гибели отца Тимофея, потом настал и его черёд пережить горькую утрату. Боорчи понял, теперь он в семье за старшего и, чтобы прокормить её, нужно много работать. Правда, был ещё дед, но какая от него помощь? Он и раньше-то передвигался с трудом, а после гибели сына и вовсе не вставал с постели, и спустя месяц к родовому кладбищу харанутов на вершине Улзыты-Хана двинулась похоронная процессия.

Что и говорить, трудно жили в ту пору. Надорвалась мать на тяжёлой работе. А скоро слегла.

Боорчи не в силах забыть тот хмурый осенний день, когда приезжал к матери в районную больницу. Казалось, всё предвещало печальный исход: и бледное солнце, и серое, с грязными пятнами облаков, небо, и сырой ветер. Боорчи внутренне готовился к самому страшному, но то, что случилось в больнице, надолго вывело из душевного равновесия.

Мать не узнала его, сидела на разобранной постели, что-то напевала и улыбалась чему-то. Спрашивал у неё, как чувствует себя, но она словно бы не слышала… А потом вдруг стала одеваться.

Зашёл врач, молодой ещё, усадил мать на кровать.

— Далеко ль собралась? — спросил, мать тотчас заволновалась, в глазах появилось беспокойство. Она беззвучно, пытаясь что-то сказать, шевелила бескровными губами, но ни Боорчи, ни врач не могли разобрать ни слова.

— Вы смотрите за ней, — сказал врач и вышел из палаты, а Боорчи, разволновавшись, не находил себе места, то принимался ходить по палате, то брался за газету, но тут же откладывал в сторону. Он вдруг увидел, как мать, отвернувшись к стене, тихо заплакала, ему сделалось горько и больно. Ещё никогда он не испытывал столь острого и щемящего чувства.

После смерти матери Боорчи словно бы надломился, сделался мрачным и нелюдимым. Порвалась последняя живая нить с прошлым...

Боорчи вздохнул, поглядел в окно и удивился чистой синеве неба, искрящимся от солнца деревьям и большой серой вороне на воротах. Однако скоро удивление исчезло, и поначалу слабое неудовольствие собою переросло в острое раздражение. Примерно то же испытывал Боорчи во время приезда из города именитых земляков. Многие из них приходились ему ровесниками, было обидно замечать, что они смотрят на него с сочувствием, как бы говоря, вот, мол, раньше сидели за одной партой, а теперь мы стали большими людьми, а ты по-прежнему балуешься серебряными поделками. Странно, но для них ничего не значило, что его работы известны многим не только в родной степи. Когда, в какую печальную пору у людей исчезло уважение к мастерам, почему теперь все смотрят на них как на чудаков?.. Он не мог ответить на эти вопросы. Жизнь прошла в работе. Покуда искал в ремесле свой почерк, изменились нравы, которые во многом непонятны ему. Единственное, о чём может сказать с уверенностью, так это то, что теперь о людях судят не по тому, как работают, а по тому, какое место в обществе занимают.

Чувство, которое нынче он испытывал, нечасто приходило к нему, а если и приходило, то ненадолго. Боорчи знал, что скоро в нём поменяется и он опять станет трудиться.

Вспомнил, как сидел с улигершином на облысевшем мыске и слушал песню жаворонка. А потом улигершин спросил:

— Ты знаешь, откуда пришли наши предки?

— Конечно, знаю. Они пришли из безводной степи и поселились на этой земле.

— Как всё легко у тебя, — вздохнул улигершин и сквозь пальцы посмотрел на яркое, как раскалённая сковородка, солнце.

Боорчи не мог понять причины его неудовольствия. Считал, что сказал правильно. Этому учили отец и дед. Искоса наблюдал за улигершином, который неторопливо, из одной руки в другую, пересыпал землю. Тогда казалось, что старик выжил из ума и превратился в ребёнка.

— Века прошли перед нами, — сказал улигершин. — И сейчас я пересыпаю их из одной руки в другую. Люди рождались и умирали, строили и рушили города, огонь пожирал деревья, вода выходила из берегов, но человек выжил, и я в долгу перед ним. А ты говоришь, мы пришли из безводной степи.

— Разве не так?

— Так. Но тебе надо ещё знать и помнить тех, кто дал жизнь роду вольных харанутов.

Тогда он не понял улигершина, сказал, что прошлого не вернёшь и незачем забивать себе голову. Старик обиделся и замолчал.

Боорчи вспомнил этот разговор, и на душе сделалось вовсе неспокойно. Старик говорил правду, а он не захотел даже выслушать. Ещё вспомнилось, как улигершин водил его на вершину Улзыты-Хана. Эта гора на закате семнадцатого века спасла харанутов от гибели и с тех пор сделалась родовою и помогает каждому, кто относится к ней с почтением. Она и ему помогла стать мастером.

Боорчи улыбнулся. Люди говорят, что он лучший из лучших, но это не так. Всю жизнь он старался, но не мог превзойти работу неизвестного мастера и, отчаявшись, принял её за образец и со временем позабыл о своём стремлении, а после встречи с Изот ощутил в сердце нетерпение. Вчера нашёл одну старую, начатую ещё в юности чеканку. Тогда не совладал с серебром, а теперь, поглядев на фигурки птиц и людей, думал о том, что замысел стоит того, чтобы порабо-

тать над чеканкой. Однако Боорчи не спешил браться за дело. Решил сходить к улигершину.

В полдень он вышел из дому и оказался за улусом, ступил на узкую, вьющуюся меж толстых лиственниц тропу, которая вела к дому улигершина. Все мысли крутились вокруг чеканки и неизвестного мастера. Тропа свернула вправо, нырнула под корявые поваленные ветром деревья, потом чёрной ниткой прочертила жёлтый от линялой травы холм и привела в пепельно-серый, как и небо над головой, кедрач. Ещё не скоро Боорчи оказался на другом берегу реки. Долго разглядывал вершину подводной скалы. Говорят, сам Чингис, повелитель Вселенной, чья звезда ушла в закат, а могила сровнялась с землёй, оставил след на голом темени подводной скалы. Этот след всегда, даже зимой, наполнен водой. Люди не раз пытались разгадать, отчего так, но не смогли. Вот и сейчас увидел Боорчи, что выемка в скале наполнена водой. Постоял и двинулся дальше. Скоро показалось жилище улигершина. Оно было сбито из неошкуренных досок и кривых жердей и чем-то напоминало самого хозяина — угловатого, одно плечо выше другого, с руками тонкими и гибкими, как берёзовые ветви, с лицом морщинистым и щербатым…